

№ 31 (126)

Воскресенье, 7 февраля 1943 года

Цена 50 коп.

ЗА РОДИНУ

ЧИТАЙТЕ СЕГОДНЯ:

Несокрушимая линия германской обороны

Германо-японская дружба

Пахарь на собственной земле

Обольшевиченный Чехов

Анализируя впечатления театральных зрителей своего времени, Чехов говорил:

«Требуют, чтобы герой, героиня были сценически эффектны. Но ведь в жизни не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви. И не каждую минуту говорят умные вещи. Они (люди) больше едят, пьют, влочатся, говорят глупости. И вот надо, чтобы это было видно на сцене... Надо, чтобы жизнь была такая, какая она есть, и люди такие какие они есть, а не ходульные»...

Советские же литературоведы, особенно составители учебников, с авторами бесмертных произведений поступали возмутительно просто: если произведение имело неясно выраженные тенденции и его можно было варьировать, приспособлявая к идеалам «строящегося социализма» — автор подстригался, покрашивался и преподносился обывателю в желаемом для большевиков виде. Если же у автора все высказано определенно, без лазеек для маскарада, такой просто вычеркивался из истории литературы, что и было сделано с Достоевским, вычеркнутым из программ средних школ.

Творчество Чехова для убедительности большевистские идеологи разбили на три периода, чтобы сфабриковать доказательство его «эволюции», от аполитичности — до, якобы, воспеваания грядущего большевистского господства. В учебнике русской литературы для 9 класса Зерцалинова, Райкина и Строжева мы читаем: «Чехов ценен для нас и как союзник наш в борьбе с остатками дореволюционного мещанства, которые еще сохранились в нашем быту»..., а дальше в том же учебнике прямо утверждают: «Чехов верил, что прекрасная жизнь придет. Великая октябрьская социалистическая революция подтвердила, что писатель был прав»...

Советские толкователи Чехова характеризуют писателя в первый период сотрудничества в юмористических журналах, как «беззаботно разбрызгивающего смех юмориста»; к началу 90-х годов в нем находят перелом и переход к серьезным темам, а в последнем периоде считают Чехова совсем «своим», так как он, дескать, хоть и метался между толстовством, мопсановским натурализмом, экспрессионизмом, но пришел в конце концов к критическому реализму, а интуитивно... падал в объятия «социалистического реализма»! Мало этого, досужие литературоведы договорились до того, что приписали чеховскому творчеству «классовую борьбу» с первых же его шагов на литературном поприще!... «В этих пестрых рассказах (1 период) Чехов показывает всю классовую и сословную лестницу русского общества». Выходит, что он еще в юности был начинен революционным динамитом. Как говорят, дальше ехать некуда!

Припомним некоторые произведения Чехова, которыми козыряли большевики:

Рассказы «Смерть чиновника», «Маска», «Хамелеон» использовались большевистской партийно-литературной пропагандой для высмеивания подхалимства, пресмыкания бюрократизма и доказательства неуклонности русской дореволюционной интеллигенции.

Ушаты мутной грязи лили большевики на голову старой русской интеллигенции и чиновничества.

Язва русской общественности, против которой открыто боролась до революции все передовые русские люди, при большевиках достигла поистине анекдотических пределов.

Кто может отрицать, что русское крестьянство, рабочие и интеллигенция не были вынуждены пресмыкаться (за редкими единичными исключениями, часто платя за это жизнью) перед малограмотными партияками?

На любом собрании, начиная с колхозного и кончая всесоюзной сессией, проливали потоки дифферамбической воды, заучено превознося гениальность и прозорливость членов партии, от секретаря партийной ячейки колхоза — до Политбюро самого «папаша», за созданную им «счастливую жизнь».

Попробуй, не похлопай в ладоши, не эй кричи: «Да здравствует мудрый и любимый Сталин!»

Разве масса партии не поголовно являлась Беликовыми? Спасая себя, они предают вчерашних друзей и единомышленников, отрещиваются от родных, попавших в опалу; сжигают письма близких, руководясь беликовским лейт-мотивом «Как бы чего не вышло». Ради сохранения хлебной карточки — партийного билета — готовы распластаться.

Разве не выглядит Пришибаев из каждого колхозного бригадира, сельсоветчика, секретного осведомителя; районных, областных и центральных «искрывателей вражеских гнезд»? Мало того, пришибаевскими тенденциями руководствовались при воспитании детей, пропитали ими литературу, историю, быт!

А у руля партийного аппарата? Маленькие и большие Ионычи, для которых главное в жизни — личное благополучие! Пусть вся область голодает, гибнет крестьянство в колхозах, пухнут от голода рабочие, плачут жалкое существование служащие, но партийный Ионыч выполнил план хлебных поставок, даже перевыполнил его «встречным планом» и — получил за это орден, почет, повышение. Все красивые слова о свободе, равенстве, изобилии, счастья — для Ионычей лишь средства одурачивания.

Разве весь СССР — не исполинская «палата № 6». Директоры фабрик, заводов, совхозов, без знания дела и призвания к работе, не являются разве Чимша-Гимзайскими в еще более уродливом виде.

Чехов бичевал пороки старой общественности своего времени, но большевики из своей практике разложили, углубили, довели до кульминации, культивировали и поощряли все, что высмеивал Чехов, при этом нагло солидаризировались с Чеховым. Салтыковым-Щедриным Чехов грустил о погибшем «Винновом саде», а большевики наивно вырубали символические «сады» русского народа, имя которым — легион.

Использование же Лениным, Сталиным и их подхолопками авторитета русских классиков, в частности Чехова, имело определенную цель — убедить всех, что советская действительность — чиста, непорочна и одержима лучшими идеалами.

Вл. Курский